

В.Н. Земцов*

ЛОРИСТОН В СТАВКЕ КУТУЗОВА

Приезд генерал-адъютанта Наполеона Ж.-А.-Б. Ло де Лористона в ставку главнокомандующего русской армией М.И. Голенищева-Кутузова 5 октября¹ 1812 г. давно стал хрестоматийным сюжетом. И в дореволюционной, и в советской, и в постсоветской отечественной историографии этот визит подавался как безуспешная попытка французского императора вступить в переговоры о мире. При этом отмечалось, что Кутузов смог весьма искусно реализовать свой замысел «держать Великую армию в бездействии» и тем самым «выигрывать время»². Столь же поверхностно, а нередко даже невнятно и путано³ описывается миссия Лористона в зарубежной историографии.

Между тем, ряд ускользающих от внимания исследователей деталей, упомянутых главным квартирьером Главной квартиры Наполеона Ф.П. Сегюром⁴ и обер-штальмейстером императора А.О.Л. Коленкуром⁵, в соединении с более непредвзятым, чем это было характерно для отечественной историографии, отношением к свидетельствам бригадного генерала Р.Т. Вильсона, британского представителя при штабе русской армии⁶, позволяет предложить не совсем привычную для большинства

---

* Владимир Николаевич Земцов, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета.

¹ Все даты, кроме особо оговоренных, даны по новому стилю.

² Парсамов В.С. Лористона миссия // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 427. Подобная интерпретация этого события настолько укоренилась в отечественной литературе, что мы упомянем только ряд авторов, солидарных с этой версией: А.И. Михайловский-Данилевский, Е.В. Тарле, И.М. Катаев, П.А. Жилин, Н.А. Троицкий; и др. При этом свидетельства Р.Т. Вильсона, британского комиссара при штабе Кутузова, воспринимались почти исключительно как злобные наветы патологического врага России. Только в работе А.Н. Попова (*Попов А.Н. Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры // Русская старина. 1898. № 10–12*), а в наше время – в книге С.Н. Искюля (*Искюль С.Н. Год 1812. СПб., 2008*), было осторожно указано на существование более сложной, и даже запутанной, интриги, приведшей к этой памятной встрече.

³ См., например: *Britten Austin P. 1812. Napoleon in Moscow. L., 1995. P. 89, 92–93.*

⁴ *Ségur Ph. P. La campagne de Russie. Mémoires. P., s.a. P. 204–205.*

⁵ *Caulaincourt A.A.L. Mémoires. P., 1933. T. 2. P. 48.*

⁶ *Wilson R. T. Private Diary of the Travels, Personal Services. L., 1861. Vol. 1–2* (русский пер.: Вильсон Р.Т. Дневник и письма 1812–1813. СПб., 1995); *Idem. Narrative of Events during the Invasion of Russia by Napoleon Bonaparte... L., 1860* (русский пер.: Вильсон Р.Т. Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию... М., 2008). Считаю долгом отдать справедливость переводчику произведений Вильсона Д.В. Соловьеву и комментатору их С.Н. Искюлю, которые сделали многие из материалов Вильсона, не опубликованных ранее в британских изданиях, доступными для читателя.

читателей и историков интерпретацию знаменитой встречи французского посланца и русского главнокомандующего в селе Тарутино 5 октября 1812 г.

Обратимся для начала к личности Лористона, которая, как нам представляется, была весьма неординарной⁷. Жак-Александр-Бернар Ло де Лористон, третий сын генерала с шотландскими корнями, родился 1 февраля 1768 г. в Пондишери, главном центре французской Индии. Он был отдан на обучение в Грассенский колледж, а в дальнейшем зачислен в знаменитое Парижское военное училище, где познакомился с Наполеоном Бонапартом. Выпущенный из училища в 1785 г. су-лейтенантом артиллерии, принял активное участие в войнах Республики, дослужившись до шефа бригады 4-го конно-артиллерийского полка. Однако в 1796 г. он вышел в отставку и пребывал там до 1800 г. Возвратившись к службе, он стал адъютантом Первого консула Бонапарта и сражался при Маренго. В марте 1801 г. он впервые выполнял дипломатическую миссию, отправившись в Копенгаген. В октябре того же года Лористон был отправлен в Лондон для ратификации прелиминарий к миру. Там, как предвозвестник мира, он был встречен с большим энтузиазмом: британцы впряглись сами в его экипаж. В 1802 г. Лористон выполнял еще одну деликатную миссию, произведя демаркацию границы между Австрией и Баварией.

Военная деятельность Лористона была не менее активной: в 1805 г., став дивизионным генералом, он участвовал в экспедиции на Антильские острова, в ходе которой овладел Алмазной скалой. Возвратившись во Францию, был назначен адъютантом императора, затем — губернатором Браунау, имперским комиссаром Далмации, губернатором Рагузы и Катаро, генерал-губернатором Венеции. В 1808 г. он был удостоен титула графа Империи, в том же году воевал в Испании, а в 1809 г. при Ваграме виртуозно руководил 100-пушечной батареей. После грохота орудий — снова дворцы и салоны: именно он сопровождает из Вены новую императрицу Марию-Луизу во Францию. Вершиной его дипломатической карьеры стало назначение 5 февраля 1811 г. послом в Россию вместо Коленкура. В Петербург Лористон смог прибыть 9 мая 1811 г. Уступал ли он Коленкуру, как полагают некоторые авторы, в изяществе и дипломатическом такте? Возможно. Но очевидно и другое — француженско-русский союз уже разваливался на глазах. Коленкур должен был уступить место человеку, неукомпетентно выполнявшему приказы императора, каковы

⁷ К огромному сожалению, биография Лористона до сих пор не написана. Мы воспользовались сведениями, которые содержатся в кн.: *Six G. Dictionnaire biographique des généraux et amiraux*. P., 1934. Т. 2. P. 72–73; *Шиканов В.Н.* Генералы Наполеона. Биографический словарь. М., 2004. С. 130; *Он же.* Лористон // Отечественная война 1812 г. Энциклопедия. М., 2004. С. 426–427.

бы они ни были. Более того, Лористон активно включился в разведывательную деятельность и собрал важнейшие данные о западных губерниях России, тексты нескольких приказов Военного министерства и даже, по некоторым сведениям, гравировальные доски «стоверстовой» карты Российской империи⁸.

Вместе с тем, Лористон, подобно своему предшественнику Коленкуру, не упускал случая полюбезничать при русском дворе, пытаясь сохранять, насколько это было возможно, французско-русские отношения достаточно равными. Так, 1 января (ст. ст.) 1812 г., когда в Зимнем дворце в Петербурге был устроен маскарад, французский посол не упустил случая составить партию в карточной игре с Марией Федоровной, вдовствующей императрицей⁹. В течение всего своего пребывания в Санкт-Петербурге Лористон продолжал пристально следить за ходом внутренних событий в России, в особенности, за тем, что происходило вокруг М.М. Сперанского¹⁰. Однако не всегда оценки и прогнозы Лористона оказывались точными из-за чрезвычайной запутанности интриг, имевших место в русской политической жизни. Долгое время Лористон, особенно в первые месяцы своего пребывания на посту посла, питал иллюзии на счет готовности Александра «придерживаться Континентальной системы»¹¹. Однако к весне 1812 г. ситуация заметно осложнилась, и Лористон, как можно понять, стал предпочитать теперь лишь строго следовать инструкциям, получаемым из Парижа. 10 июня (ст. ст.) 1812 г. Лористон информировал управляющего МИД России Н.И. Салтыкова о своем отзыве, что означало официальное объявление войны. Французское посольство отбыло из Санкт-Петербурга морем и 7 августа оказалось в Пилау. После этого Лористон поспешил присоединиться к ставке императора, что ему и удалось сделать в Смоленске.

Судя по всему, Наполеон высоко ценил способности Лористона как дипломата, впрочем, как и военного. 7 сентября, в день битвы при Москва-реке, Лористон вновь, как это было при Ваграме, вывел массы артиллерии на поле боя, дабы довершить перемалывание русских резервов.

Если личность Лористона, не только для русскоязычного, но и французского читателя не всегда представляется ясной по причине отсутствия специальной биографии, то образ его оппонента на переговорах 5 октября 1812 г. — М.И. Голенищева-Кутузова, известен намного лучше. Благодаря

⁸ *Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005. С. 37–38. В отношении участия Лористона в приобретении французской агентурой «стоверстной» карты Российской империи имеются и другие мнения.

⁹ *Искюль С.Н.* Указ. соч. С. 15.

¹⁰ *Caulaincourt A.A.L.* Op. cit. Т.1. P. 320–321. Note 1.

¹¹ См. комментарии Ж. Оното, издателя мемуаров Коленкура: *Caulaincourt A.A.L.* Op. cit. Т. 1. P. 116. Note 3.

появлению в последнее время ряда новых исследований¹², выход которых нередко сопровождался острыми дискуссиями, историки стали лучше понимать мотивы тех или иных действий русского главнокомандующего.

Весной 1812 г., незадолго до открытия военных действий с Францией, Кутузов сыграл ключевую роль в подписании русско-турецкого договора в Бухаресте. Судя по всему, Александр I и ряд высших сановников, лелея надежды не просто на мир со своим южным соседом, но на подписание союзного договора, оказались в известной степени недовольны его условиями. Злые языки упорно твердили, что Кутузов поспешил с подписанием мира, ибо знал, что на смену ему в Молдавскую армию уже направляется адмирал П. В. Чичагов. Возможно, это сыграло свою роль. Но очевидно также и другое: Кутузов исходил из реальной ситуации и не тешил себя иллюзиями.

Столь же реалистично, не поддаваясь «зуду героизма», действовал Кутузов под Бородином, а затем при оставлении Москвы. При вступлении в Тарутинский лагерь численность русской армии составляла 85,5 тыс. человек при 622 орудиях. Причем, в число 85,5 тыс. входили рекруты (примерно 7,6 тыс.) и ополченцы (примерно 15,5 тыс.). Правда, помимо этого было еще 28 казачьих полков, но рассчитывать на них в случае «правильного сражения» не приходилось¹³. Морально-психологическое состояние русской армии также оставляло желать много лучшего. Невиданных масштабов достигло мародерство¹⁴. Но главное, люди были подавлены фактом оставления и пожара Москвы. К. Ф. Клаузевиц, квартирмейстер 1-го кавалерийского корпуса, обычно очень точно подмечавший перемены в настроениях, царивших в войсках, написал об этом так: «В этот период в русской армии господствовало настроение печали и подавленности, причем на мир в ближайшем же будущем смотрели как на единственный возможный исход. Нельзя сказать, чтобы армия сама утратила мужество, наоборот, в ней сохранилось солдатское чувство гордости и превосходства; такое чувство всегда укрепляет армию независимо от того, является ли оно обоснованным или нет. Но доверие к общему руководству войной сохранялось лишь в ничтожной

¹² См., например: *Троицкий Н. А.* Фельдмаршал М. И. Кутузов: легенда и реальность. Саратов, 1994; *Он же.* Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002; *Ивченко Л. Л.* М. И. Кутузов в Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1997. С. 10–27; *Она же.* М. И. Кутузов в современной историографии. Приговор истории или произвол историков? // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2004. С. 143–167; *Она же.* Бородинское сражение. История русской версии событий. М., 2009; и др.

¹³ М. И. Кутузов. Сборник документов. М., 1955. Т. 4. Ч. 1. С. 355–361.

¹⁴ См., например: Там же. С. 377–378; Отечественная война 1812 года. Документы Военно-учебного архива (далее – ВУА). Т. 18. СПб., 1911. С. 15–16; и др.

мере; большие потери, уже понесенные государством, казались подавляющими, а исключительной стойкости и энергии в наступившей беде от правительства, видимо, не ждали. Поэтому близкий мир рассматривался как вероятное и даже желательное явление. Что об этом действительно думал князь Кутузов, вероятно, никто достоверно не знал; внешне же он подчеркивал, что резко возражает против каких-либо мирных переговоров»¹⁵. Действительно, проникнуть в то, что именно думал умудренный жизнью и, мягко говоря, не отличавшийся прямолинейностью характера Кутузов, сказать точно невозможно. Можно только предполагать, что мог чувствовать Кутузов-полководец, сдавший неприятелю без боя первопрестольную столицу и продолжавший, путая следы, отступать под напором вражеского авангарда. Можно также представить, какие мысли одолевали Кутузова-дипломата и Кутузова-царедворца, который вначале уведомил императора о победе в генеральной битве, а потом оставил Москву, отступив так, что дорога на Петербург, столицу империи, оказалась прикрыта весьма слабо. Несмотря на то, что император ранее неоднократно уведомлял Кутузова о нежелании садиться за стол переговоров, умудренный жизнью главнокомандующий не мог не учитывать возможности того, что настроения в Петербурге в один миг могли существенно измениться. (Напомним, что Александра I склоняли к мирным переговорам такие влиятельные персоны, как вдовствующая императрица Мария Федоровна, вел. кн. Константин Павлович, канцлер Н.П. Румянцев и даже всесильный А.А. Аракчеев).

Наконец, не следует забывать об активно действовавшей в штабах Кутузова «генеральской оппозиции», которую на тот момент возглавлял не кто-нибудь, а начальник штаба соединенных армий Л.Л. Беннигсен. Примыкал к обширной группе «оппозиционеров» и Ф.В. Ростопчин, без устали бомбардировавший императора письмами о развале армии («беспорядок вашей армии превосходит всякое вероятие», «солдаты уже не составляют армии. Это орда разбойников...», и т.д.). Не менее активно «разоблачал» Кутузова и Вильсон, также имевший неограниченные возможности уведомлять о всем происходившем русского императора.

В этих условиях Кутузов должен был проявлять величайшую осмотрительность и скрытность. Более того, вряд ли будет правильным приписывать Кутузову осуществление какого-либо определенного, изначально им принятого плана действий, от которого главнокомандующий при любых условиях не желал отступать. Все, что мы знаем на сегодняшний день о Кутузове, говорит об обратном: он умел ловко приспособливаться к изменяющимся обстоятельствам, исходя, не только из «общей пользы» и любви к Отечеству, но и из своих личных интересов.

¹⁵ *Клаузевиц К.* 1812 год. М., 1997. С. 91.

Перенесемся сейчас в полустогоревшую Москву и попытаемся понять, как и зачем произошла отправка Лористона в ставку Кутузова. 18 сентября, переждав в Петровском дворце страшный пожар города, Наполеон возвратился в Московский Кремль. Очевидно, что, даже несмотря на пожар, Наполеон не мог сразу начать отступление из русской столицы. Следовало, во-первых, провести реорганизацию армии, во-вторых, дать солдатам хотя бы минимальный отдых; в-третьих, определиться с тем, куда отступила русская армия и каковы ее намерения; в-четвертых, следовало учесть реакцию во Франции и в других европейских странах на слишком поспешный уход из завоеванной русской столицы. Наконец, Наполеон надеялся начать мирные переговоры с русскими.

Между тем, в конце сентября Наполеон дважды (22-го и 28-го) все же намеревался выступить из Москвы, однако только для того, чтобы нанести всей мощью армии удар по войскам Кутузова, которые, как показалось французам, не намеревались далее отходить. Оба раза, получая известия об отходе русских, французский император отменял свое решение. И все же, в последние дни сентября Наполеон начал разрабатывать план окончательного отступления из Москвы. Дело в том, что ситуация с местонахождением и характером действий главных сил русской армии окончательно определилась. Кутузов оказался достаточно далеко от стогоревшей столицы и, казалось, не собирался предпринимать активных наступательных действий. Но французского императора не могло не тревожить отсутствие явных попыток со стороны российского руководства вступить с ним в мирные переговоры. Да и само приближение октября, второго месяца осени, могло сулить только окончание хорошей погоды и наступление холодов. Можно согласиться с мнением А. Тьера, который полагал, что план на отступление, озвученный Наполеоном 3 октября перед генералитетом, был разработан в последних числах сентября и отредактирован в первые дни октября¹⁶. Принимая во внимание свидетельство Сегюра, можно предположительно отнести составление окончательного варианта этого проекта к ночи со 2-го на 3-е октября¹⁷. Напомним, что главная идея указанного плана сводилась к тому, чтобы Великая армия не просто осуществила отступление к Смоленску и Витебску, но при этом сделала «облическое движение» к северу, создав тем самым угрозу Петербургу. Этот проект встретил серьезные возражения со стороны высшего командования¹⁸.

¹⁶ Thiers A. Histoire du Consulat et de l'Empire. P., 1856. Т. 14. P. 410.

¹⁷ Ségur Ph. P. Op. cit. P. 202–203. Свидетельство Сегюра подтверждается другими материалами.

¹⁸ См.: Земцов В.Н. Наполеон в Москве: подготовка к отступлению // Проблемы социально-экономической и политической истории. Межвузовский профессорский сборник научных трудов. Екатеринбург, 2011. С. 27–47.

В тот же день, 3-го октября, Наполеон предложил Коленкуру, как известно, бывшему в 1807–1811 гг. послом в Петербурге, отправиться с предложениями о мире к Александру. Коленкур заявил о бесполезности такой поездки и со свойственной ему прямоотой отказался от выполнения этого поручения. Тогда император предложил ему отправиться в ставку Кутузова. Обер-штальмейстер вновь решительно отказался, заявив, что «эта поездка увенчалась бы не большим успехом, чем другая». Тогда Наполеон резко повернулся к Коленкуру и сказал: «Хорошо. Я пошлю Лористона. Ему достанется честь заключить мир и спасти корону вашего друга Александра»¹⁹. По мнению Сегюра, Коленкур среди прочего заявил Наполеону, что «чем больше будет подчеркнут выбор лица для ведения переговоров, тем яснее обнаружится наше беспокойство»²⁰.

Беседа Наполеона с Лористоном состоялась в тот же день, 3 октября. О ее содержании мы можем судить только по книге Сегюра, которому, впрочем, нет оснований не доверять. Вот его свидетельство: «Лористон позже уверял, что повторил свои возражения Наполеону и прибавил еще новые к тем, которые уже высказывал ранее, и посоветовал в тот же день начать отступление, направляя его через Калугу. Наполеон, возмущенный, с досадой отвечал, что ему нравятся только простые планы и не окольные дороги, а большие – например, та, по которой он пришел сюда. Но пойдет он по ней, только заключив мир! Затем, показав ему, так же, как и Коленкуру, письмо, которое он написал Александру, Наполеон приказал ему отправиться к Кутузову и получить от него пропуск в Петербург. Последние слова императора Лористону были: “Я хочу мира, мне нужен мир, я непременно хочу его получить; спасите только честь! (Je veux la paix, il me faut la paix, je la veux absolument; sauvez seulement l’honneur!)”»²¹.

Что за письмо было подготовлено Наполеоном для передачи Александру I, и существовало ли оно вообще? Обращает на себя внимание то, что в воспоминаниях Коленкура о письме не говорится ни слова, в то время как Сегюр утверждает, что Наполеон продемонстрировал это послание и одному, и другому предполагаемому эмиссару. Судя по ходу дальнейших событий, письма как такового не было: достаточно было и того послания, которое ранее отправили с И.А. Яковлевым. Французский император счел необходимым набросать только короткую записку, адресованную Кутузову. Она хорошо известна: «Князь Кутузов! Посылаю к вам одного из моих генерал-адъютантов для переговоров о многих важных делах. Хочу, чтоб ваша светлость поверили тому, что он вам скажет, особенно, когда он выразит вам чувства уважения и особого внимания,

¹⁹ *Caulaincourt A.A.L.* Op. cit. T. 2. P. 46–47.

²⁰ *Ségur Ph.P.* Op. cit. P. 204.

²¹ *Ibid.* P. 204–205.

которые я с давних пор питаю к вам. Не имея сказать ничего другого этим письмом, молю всевышнего, чтобы он хранил вас, князь Кутузов, под своим священным и благим покровом. Наполеон»²².

Факт отсутствия письма, адресованного Александру I, имеет важное значение. Дело в том, что Наполеон на этот раз решил обратиться именно к Кутузову, надеясь на то, что тот сыграет роль своего рода посредника, причем посредника, заинтересованного в начале переговоров. О такой перемене в тактике французского императора свидетельствовали некоторые современники событий, как, например, «московский немец» А.В. Нордгоф²³ и, в особенности, генерал А.Б.Ж. Дедем де Гельдер. Согласно последнему, имела место следующая история. Некто д'Оррер, «московский француз»²⁴, которого взял под покровительство Дедем, поведал, что был в дружбе с «фельдмаршалом Кутузовым» и что «заклучение мира зависит не от императора Александра, а от армии». Дедем не преминул передать слова д'Оррера государственному секретарю П.А.Н.Б. Дарю, который, в свою очередь, сообщил об этом Наполеону. Это, по мнению Дедема, и предопределило отправку Лористона с миссией к Кутузову²⁵.

В 4.30 утра 4 октября Л.А. Бертъе, начальник Главного штаба Великой армии, отправляет Неаполитанскому королю письмо, в котором пишет: «Император, имея намерение отправить одного из своих генерал-адъютантов к главнокомандующему Кутузову, желает знать день, час и место, где этот генерал может быть принят»²⁶. Дошла ли эта записка до Кутузова в тот же день или была передана ему только утром 5 октября? Согласно воспоминаниям генерал-адъютанта П.М. Волконского, выполнявшего особые поручения Александра I, — воспоминаниям, изустно изложенным им спустя много лет А.И. Михайловскому-Данилевскому, записка

²² Копии с французского оригинала см.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 152. Оп. 1. № 282. Л. 29; Ф. 202. № 13. Л. 1. Публикация французского текста: ВУА. Т. 19. СПб., 1912. С. 380. Перевод с французского текста воспроизведен по: М.И. Кутузов. Указ. соч. С. 369–370.

²³ Histoire de la destruction de Moscou, en 1812 / Par A.F. de V.....ch. P., 1822. P. 139. Автором этой работы, как недавно было установлено, являлся «московский немец» А.В. Нордгоф.

²⁴ О д'Оррерах пишет и «московский француз» шевалье Ф. д'Изарн, подтверждая, что это семейство взял под свое покровительство «какой-то голландский генерал», то есть Дедем (*Изарн Ф. д'*. Воспоминания московского жителя о пребывании французов в Москве в 1812 году // Русский архив. 1900. № 11. Ст. 1422; [*Ysarn de Villefort F.J.d'*] Relation du séjour des Français à Moscou et de l'incendie de cette ville en 1812 / Publ. par A.Gadaruel. Bruxelles, 1871. P. 67. Note "O").

²⁵ *Dedem de Gelder*. Mémoires du général Dedem de Gelder. P., 1900. P. 262–263.

²⁶ Бертъе — Мюрату. Москва, 4 октября 1812 г., 4.30 утра // *Fain A.J.F.* Manuscrit de 1812. P., 1827. Т. 2. P. 192–193. Это письмо цитирует М.И. Богданович (*Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. СПб., 1852. Т. 2. С. 389–390).

Бертье попала в руки Кутузова только 5 октября в 10 часов утра²⁷. С этой версией вполне можно согласиться, так как 4 октября до вечера шел бой и вряд ли было возможным передать записку русскому командованию²⁸.

Следует также определиться с тем, когда именно Лористон отправился из Москвы к авангарду. Расстояние между Москвой и Винково, вокруг которого с 4-го октября расположился французский авангард, можно было, в принципе, преодолеть за 5 часов²⁹. Другими словами, Лористон, выехав из русской столицы в 4.30 утра 5 октября, вполне мог оказаться в квартире Мюрата около 10 часов утра того же дня. Тем не менее, все указывает на то, что он отправился из Москвы все же 4 октября³⁰. Трудно сказать определенно, провел ли Лористон ночь в дороге или заночевал где-то в тылах французского авангарда, но очевидно, что на передовых постах генерал-адъютант Наполеона объявился только утром 5 октября³¹.

Дальнейший ход событий 5 октября мог выглядеть следующим образом³². Утром 5 октября, в районе 9 часов, на передовые посты русской армии была передана записка от полковника Ш.Л.П.К. Борелли, начальника личного штаба Мюрата, адресованная командиру авангарда русской

²⁷ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. М., 2008. С. 332. Тем не менее, нельзя исключать вероятность того, что уже 4-го октября Кутузов узнал о намерении Наполеона отправить к нему своего генерал-адъютанта и успел в тот же день сообщить французам о своей готовности его принять. Этого мнения, в частности, придерживался М.И. Богданович (*Богданович М.И.* Указ. соч. С. 390).

²⁸ Именно такое время затратил шеф эскадрона адъютант Бертье Альферед де Ноай, посланный из Москвы в авангард Мюрата.

²⁹ *Solyk R.* Napoléon en 1812. Mémoires historiques et militaires sur la campagne de Russie. P., 1836. P. 327; *Castellane E.V.E.B.* Journal. P., 1895. T. 1. P. 164. Этого мнения придерживались и историки: *Chambray G.* Histoire de l'expédition de Russie. P., 1838. T. 2. P. 155; Thiers А. Op. cit. P. 419.

³⁰ Ш.П.Л. Гриуа, командующий артиллерией 3-го резервного кавалерийского корпуса, свидетельствует, что Лористон прибыл в Винково именно 5 октября (*Griois L.* Mémoires du général Griois. P., 1909. T. 2. P. 67), в то время как Волконский утверждает: записка с предложением о встрече была доставлена к Кутузову около 10 утра.

³² Полагаем, что в историографии наиболее убедительную реконструкцию последовательности событий того дня сделал А.Н. Попов (*Попов А.Н.* Отечественная война 1812 года. Т. 3. М., 2011. С. 105–117). Наша реконструкция основана, в сущности, на тех же, что и у А.Н. Попова, материалах: Донесение Кутузова Александру I о мирных предложениях Наполеона, с. Тарутино, 23 сентября (5 октября) 1812 г. (ВУА. Т. 18. СПб., 1911. С. 108–109; Т. 19. СПб., 1912. С. 379–380; М.И. Кутузов. № 449. С. 367–369; ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 1. Л. 30–31); Дневник, письма и «Повествование о случившемся...» Вильсона; Воспоминания П.М. Волконского, изложенные А.И. Михайловским-Данилевским; Письмо полковника Ж.Б.Л. Кроссара Александру I, с. Тарутино, 7(19) октября 1812 г. и его воспоминания (*Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М., 2006. С. 211–212; *Crossard J.B.L.* Mémoires militaires et historiques. P., 1829. T. 5). Помимо этого, мы привлекли: Письмо неизвестного лица своему отцу 25 сентября (7 октября) 1812 г. из Тарутинского лагеря (Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 213); Список с письма Кутузова Александру I от 23 сентября (5 октября) 1812 г. (ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 1. № 282. Л. 30–31).

армии. В ней говорилось, что французский император имеет намерение отправить одного из своих генерал-адъютантов к русскому главнокомандующему Кутузову и просит сообщить час и место, где посланец может быть принят³³. Вместе с запиской от Борелли, по-видимому, был отправлен запечатанный конверт, адресованный Кутузову, в котором могло быть письмо от Мюрата, написанное по поручению Бертье³⁴. В сущности, записка Борелли только повторяла суть запечатанного письма.

К 10 часам утра письмо, адресованное Кутузову, было доставлено в Леташевку, где расположился русский главнокомандующий. Изба, которую он занимал, была «о трех окнах направо от выезда со стороны Тарутина»³⁵. В тот момент у Кутузова находился генерал-адъютант П.М. Волконский, прибывший в русский лагерь еще 27 сентября, когда армия выступила из Красной Пахры. Александр I поручил ему доставить подробные сведения о состоянии отступавшей армии, и посланец был уже готов к отъезду в Петербург. А.И. Михайловский-Данилевский со слов Волконского позже воспроизвел эту сцену таким образом: «23 сентября, поутру, князю Кутузову доставили письмо от маршала Бертье, извещавшего о желании Наполеона отправить к нашему главнокомандующему генерал-адъютанта графа Лористона с важными поручениями. При вскрытии письма находился у фельдмаршала один князь Волконский. “Чего хочет от меня Наполеон? — сказал Кутузов и присовокупил: — Который теперь час?” — “10 часов”, — отвечал князь Волконский. “Я спросил об этом для того, — продолжал фельдмаршал, — что должно выиграть время и сколько можно долее держать французов в бездеятельности. Обыкновенно атакуют они не ранее полудня, когда отобедают. Надобно известить Лористона, что я сам приеду на передовые посты для переговоров, а между тем пройдет день”. Вскоре, однако, князь Кутузов отменил свое намерение и велел князю Волконскому ехать в авангард, спросить Лористона, с чем он прислан, и если у него есть от Наполеона письмо, то взять его»³⁶.

Отметим, что в этом описании далеко не все звучит убедительно. Во-первых, письмо, которое вскрыл Кутузов, не могло быть написано Бертье; оно могло быть написано Мюратом, хотя и по поручению начальника Главного штаба французской армии. Во-вторых, есть свидетельства,

³³ Эта записка опубликована в сборнике документов ВУА (ВУА. Т. 18. С. 24) с ошибочной датировкой «5 сентября 1812 г.» Все говорит о том, что записка должна была быть помечена 5 октября.

³⁴ Мы уже цитировали письмо от Бертье Мюрату с этим поручением (См.: *Fain A.J.F.* Op. cit. P. 192–193).

³⁵ Записки А.А. Щербинина // *Харкевич В.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 1. Вильна, 1900. С. 33–34.

³⁶ *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч. С. 332–333.

что Кутузов сразу и письменно ответил на просьбу о встрече с Лористоном³⁷. В-третьих, Волконский (или Михайловский-Данилевский?) опустил очень важные события, произошедшие еще до отправки русского генерал-адъютанта на передовые посты.

Эти обстоятельства были следующими. После того, как Кутузов отправил письменное согласие на встречу с Лористоном, которая должна была состояться с наступлением темноты на передовых постах³⁸, о предстоящем событии был извещен начальник штаба русской армии Л.Л. Беннигсен, чья квартира находилась напротив избы Кутузова³⁹. Беннигсен, возмущенный тем, что был как начальник штаба обойден главнокомандующим в таком важном деле, а также, опасаясь реальных попыток со стороны Кутузова вступить в переговоры с неприятелем, забил тревогу. Он немедленно оповестил близких ему военачальников, которые могли бы помочь ему воспрепятствовать встрече русского главнокомандующего и наполеоновского посланника. Извещен был и Вильсон, находившийся в это время на передовых постах у командира русского авангарда Милорадовича. Вильсон, переговорив с Милорадовичем (нам так и остается неизвестной реакция последнего на это сообщение), немедленно поскакал к Беннигсену, «коего застал в обществе десятка других генералов»⁴⁰. Кто были эти генералы? По всей видимости, среди них находились герцог Вюртембергский, генерал от кавалерии, состоявший при Главной квартире, брат вдовствующей императрицы Марии Федоровны; наследный принц Ольденбургский, генерал-лейтенант, шеф 1-го егерского полка, также состоявший при Главной квартире. Возможно, там был и Карл, принц Мекленбург-Шверинский, генерал-лейтенант, командир 2-й гренадерской дивизии⁴¹. Каких-либо упоминаний об иных лицах из числа «десятки других генералов» мы не находим⁴². Возможно, что их имен Вильсон просто не знал или же они стали плодом собственных фантазий автора.

Несколько странно звучат и последующие строки «Повествования...», где говорится о том, будто Кутузов согласился встретиться но-

³⁷ Вильсон Р.Т. Повествование о случившемся... С. 168. Это мнение подтверждается ходом дальнейших событий.

³⁸ То, что такое согласие было дано, следует не только из текста «Повествования о случившемся...» Вильсона, но и из действий Лористона и даже из слов Волконского, переданных Михайловским-Данилевским.

³⁹ Записки А.А. Щербинина. С. 34.

⁴⁰ Вильсон Р.Т. Повествование о случившемся... С. 164.

⁴¹ Карл, принц Мекленбург-Шверинский упоминается только в одном из писем Вильсона (Вильсон Р.Т. . Дневник и письма. С. 161).

⁴² В британской биографии Вильсона, написанной М. Гловером, без каких-либо ссылок говорится и о Ф.В. Ростопчине (*Glover M. A very Slippery Fellow. The Life of Sir Robert Wilson 1777–1849. Oxford, 1977–1978. P. 117.*

чью с Лористоном «на московской дороге в нескольких милях от самых передовых постов», дабы обсудить условия соглашения «о незамедлительном отступлении неприятельской армии из пределов России, какое соглашение долженствовало бы послужить преддверием к установке мира»⁴³. Более того, информаторы Вильсона не исключали возможного присутствия на этой встрече «самого Наполеона»⁴⁴. При сопоставлении этих строк «Повествования» с письмами Вильсона становится очевидным, что Кутузов действительно согласился на встречу «на передовых постах»⁴⁵, но все же не «на московской дороге в нескольких милях» от них, что означало бы встречу в тылу наполеоновских войск. По-видимому, собравшиеся у Беннигсена генералы, во-первых, оказались очень впечатлительны; во-вторых, сами многое домыслили, дабы вдохновить Вильсона на решительный протест; в-третьих, сэръ Роберт мог сам в дальнейшем намеренно сгустить краски, чтобы тем самым подчеркнуть собственную роль в этих событиях. В любом случае, факт готовности Кутузова вступить в неофициальные переговоры с посланцем Наполеона на передовых постах определенно имел место.

Вильсон, преисполненный значимости своей миссии, поспешил к главнокомандующему, который «казался уже смущенным». После того, как «присутствовавшие двое офицеров удалились», Вильсон заявил о необходимости для главнокомандующего пресечь «злонамеренный слух» о предстоящем свидании с французским посланником. «Фельдмаршал был смущен, однако довольно резким тоном ответствовал, что “он командующий всей армией и лучше знает порученную ему должность; что, действительно, он согласился на просьбу французского императора о встрече с генералом Лористоном сей ночью, дабы избежать огласки, могущей привести к превратным толкам”. <...> Затем он присовокупил, что “ему уже известно о примирительном характере сих предложений, и, возможно, они послужат к почетной и выгодной для России договоренности”». Затем Кутузов «выразил надежду, что “английский генерал по зрелом размышлении все-таки согласится с ним, особливо взяв в соображение состояние Империи и то обстоятельство, что, хотя численность русской армии возрастает, она еще далека от желаемой, и в таких обстоятельствах ради своей приверженности к Императору и России он готов превозмочь всем ведомую его враждебность к Императору Франции”»⁴⁶. Вопреки намерению Кутузова закончить на этом разговор, Вильсон упорно его продолжал. Он начал призывать главнокомандую-

⁴³ Вильсон Р.Т. Повествование о случившемся... С. 164.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ См.: Вильсон Р.Т. Дневник и письма. С. 167–168.

⁴⁶ Вильсон Р.Т. Повествование о случившемся... С. 165.

щего вспомнить слова русского императора, который категорически отвергал любую возможность переговоров с неприятелем, пока тот будет находиться в пределах России. Затем Вильсон обратился за помощью к герцогу Вюртембергскому, принцу Ольденбургскому и князю Волконскому, которые, по-видимому, были уже готовы к такому повороту событий и ожидали приглашения войти к главнокомандующему. Они поддержали мнение английского генерала, предложив, в крайнем случае, чтобы главнокомандующий принял Лористона в «одном из своих штабов». Кутузов продолжал ссылаться «на невозможность отменить соглашение, скрепленное его подписью», но все же понемногу уступил и согласился отправить записку с уведомлением, что «фельдмаршал не имеет возможности исполнить обещанное и приглашает его в главную квартиру к десяти часам вечера того же дня»⁴⁷.

Волконский, который был отправлен после этого разговора к Лористону и на некоторое время оказался в самом центре событий, о записке ничего не говорит. Он поведал Михайловскому-Данилевскому только о том, что Кутузов велел ему «ехать в авангард, спросить Лористона, с чем он прислан, и если у него есть от Наполеона письмо, то взять его. “Но что прикажете делать, ежели Лористон не отдаст мне письма и не захочет объявить своего поручения?” – спросил князь Волконский. “В таком случае, – возразил фельдмаршал, – скажи, что пошлешь ко мне за приказаниями; но только вели адъютанту ехать как можно тише”»⁴⁸.

Так была ли отправлена к Лористону записка или нет? По-видимому, в данном случае более следует доверять Волконскому, выполнявшему поручение Кутузова, в то время как Вильсон на время был русским главнокомандующим «нейтрализован».

Вскоре после того, как Волконский подъехал к передовой цепи, показавшись Лористону, который, по-видимому, с нетерпением ожидал ответа от Кутузова. «Князь Волконский объявил ему о полномочии своем узнать о предмете его поручения и принять от него письмо Наполеона, если он привез его с собой. Лористон отвечал, что ни того, ни другого исполнить не может, имея от Наполеона повеление объясниться с фельдмаршалом лично. “В таком случае, – сказал князь Волконский, – я пошлю к нему адъютанта”»⁴⁹. К Кутузову поскакал ординарец Волконского Нащокин (поскакал отнюдь не быстро, как и приказал ему его начальник).

Лористон и Волконский были хорошо знакомы. Это знакомство началось, по-видимому, когда они оба присутствовали в 1807 г. в Тильзите, а затем продолжено, когда Волконский как выдающийся штабист был

⁴⁷ Там же. С. 166–168.

⁴⁸ *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч. С. 333.

⁴⁹ Там же.

отправлен во Францию для изучения военной организации. Наконец, это знакомство было продолжено уже в Петербурге, после назначения Лористона послом в Россию. Однако, судя по всему, 5 октября, когда они столь неожиданно снова встретились, обоим показалось неловким завязывать какой-то разговор, не относившийся к столь важному делу, в котором они теперь участвовали. И Волконский предложил французскому генералу в ожидании ответа «отправиться в свой авангард»⁵⁰. Лористон предложение с готовностью принял. Этот момент мог стать наиболее драматическим эпизодом описываемой нами истории.

Обратимся к тексту книги Сегюра, который поражает нас знанием таких деталей, которые не раз будут находить подтверждение спустя много лет после событий 1812 года⁵¹: «В инструкциях Лористону было сказано, что он должен обращаться только к Кутузову. Поэтому он с высокомерием отклонил всякое посредничество и, воспользовавшись этим обстоятельством, чтобы прервать переговоры, которые не одобрял, удалился, несмотря на настояния Волконского. Он хотел вернуться в Москву. Тогда Наполеон, в пылу гнева, разумеется, бросился бы на Кутузова, разбил его армию, тогда еще не вполне сформированную, и вырвал бы у него мир. Даже в случае менее решительного успеха он имел бы возможность благополучно удалиться к своим подкреплениям»⁵².

Оставим на совести Сегюра возможные «художественные доработки» при воспроизведении размышлений, одолевавших Лористона. Очевидно только то, что Сегюр услышал о происшедших 5 октября возле Винково событиях из уст самого Лористона⁵³.

Но в тот момент, когда посланник Наполеона уже готов был развернуть коня и, лелея надежду на срыв переговоров, удалиться, со стороны русских позиций подъехали Беннигсен и Милорадович, а со стороны французских — Мюрат. Что заставило этих особ стремиться к встрече? Явных указаний на этот счет нет, однако очевидно, что встреча произошла по инициативе Беннигсена. «...Генерал Беннигсен поехал на передовые посты, — описал вечером в тот же день Вильсон лорду У.Ш. Кэткар-

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Возьмем хотя бы следующее суждение, связанное с миссией Лористона: «Вильсон уверял, что русские генералы и офицеры, подозревая и обвиняя своего начальника в слабости, начали кричать об измене; поэтому он и не осмелился покинуть лагерь» (*Ségur Ph. P. Op. cit. P. 205*). Сегюр здесь имел в виду первоначальные намерения русского главнокомандующего встретиться с Лористоном на аванпостах или даже за их пределами. Но ведь «Повествование...» Вильсона будет опубликовано только в 1860 г., а его дневник и часть писем — в 1861 г.! Наше обращение к ранним изданиям книги Сегюра подтверждает, что эти сведения не могли попасть в его работу «задним числом», благодаря издателям.

⁵² *Ségur Ph. P. Op. cit. P. 205–206*.

⁵³ Документы, отложившиеся в Национальном архиве Франции, свидетельствуют, что и в дальнейшем Сегюр и Лористон поддерживали переписку на предмет уточнения деталей кампании 1812 года.

ту, британскому посланнику в Петербурге, — и объявил желание видеть Мюрата, если он тут близко находится. Мюрат предстал и, после взаимных учтивостей, Мюрат говорил, сколь он сожалеет о войне, и показывал надежду о некоторых договорах, которые ей могут положить конец»⁵⁴. В своем дневнике Вильсон записал, что генерал Беннигсен «позволил себе неуместную встречу на передовых постах с Мюратом, который прискакал, когда ему сообщили о появлении Беннигсена. Беседа была совершенно незначительная, самыми примечательными словами Мюрата были: “Ce n'est pas un climat pour un roi de Naples”»⁵⁵.

Что же заставило Беннигсена, «так громко осуждавшего недавно фельдмаршала за согласие на свидание с уполномоченным Наполеона» (А.Н. Попов), стремиться к встрече с Мюратом? Думается, что в данном случае вполне можно согласиться с мнением А.Н. Попова, полагавшего, что Беннигсену, начальнику штаба соединенных армий, которого упорно игнорировал Кутузов, захотелось «самому заявить о своем присутствии в русских войсках»⁵⁶. Это проявление оскорбленного достоинства или, скорее, неудовлетворенного тщеславия, привело к тому, что встреча Лористона с Кутузовым, возможность которой висела на волоске, все же состоялась!⁵⁷

К вечеру, когда уже смеркалось, к французским аванпостам возвратился Нашокин. Он передал ответ Кутузова, приглашавшего Лористона в Главную квартиру⁵⁸. Лористон немедленно прибыл к русскому авангарду, где его уже ожидал прибывший туда в крытых дрожках Волконский. Он предложил Лористону сесть в эти дрожки и проехать к месту встречи с русским главнокомандующим. Согласно воспоминаниям Волконского, по дороге в Тарутино беседа между ним и Лористоним велась исключительно о вещах посторонних. «Кто думал, — произнес французский посланец, — что мы увидимся под Москвой и в таких обстоятельствах?»⁵⁹

⁵⁴ Вильсон — Кэткарту. 23 сентября (5 октября) 1812 г., 8 часов вечера // *Вильсон Р.Т.* Дневник и письма. С. 160.

⁵⁵ Там же. С. 68. «Для короля неаполитанского здесь совсем не тот климат» (фр.). См. также: Вильсон — неизвестному. 25 сентября (7 октября) 1812 г. // Там же. С. 168.

⁵⁶ *Попов А.Н.* Отечественная война 1812 года. С. 110.

⁵⁷ Из текста «Повествования о случившемся...» Вильсона следует: Лористону была послана записка с уведомлением, что «Фельдмаршал не имеет возможности исполнить обещанное и приглашает его в главную квартиру к десяти часам вечера того же дня». В ответ на это Лористон прислал фельдмаршалу просьбу прибыть на ранее договоренную встречу, но получил ответ, что «обстоятельства не позволяют удовлетворить сие пожелание» (*Вильсон Р.Т.* Повествование о случившемся... С. 168). Однако мы полагаем, что столь обширный обмен письмами в тот день вряд ли имел место. Скорее текст Вильсона — это более поздний плод «развертывания» им по памяти событий 5 октября.

⁵⁸ *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч. С. 333.

⁵⁹ Там же.

Между тем, Кутузов оставил Леташевку и заранее прибыл в Тарутино, в избу, назначенную для встречи. «Мы в первый раз увидели Кутузова, — вспоминал А.А. Щербинин, офицер квартирмейстерской части, — в мундире и в шляпе. Эполеты он попросил у Коновницына — его собственные ему казались не довольно хороши»⁶⁰. В Тарутино Лористон прибыл в 10 часов вечера⁶¹.

За те десять или более часов, которые прошли после того, как Кутузов выразил желание встретиться с Лористоном на передовых постах и получил столь решительные протесты со стороны группы генералов во главе с Вильсоном, характер его поведения разительно изменился. Осознав невозможность и даже опасность (по крайней мере, лично для себя) достижения какой-либо договоренности с неприятелем, он начал решительно демонстрировать непримиримость по отношению к любым предложениям, которые могли быть озвучены Лористоном. Более того, Кутузов попросил Вильсона, а также герцога Вюртембергского, быть непременно в числе генералов, которых главнокомандующий собирался представить Лористону⁶².

Когда «Лористон с завязанными глазами был введен в избу Кутузова и представлен группе русских генералов, *английский же генерал был представлен ему по имени*, тогда, по его собственным словам, “он сразу понял, с какой стороны возникли препятствия для первоначального соглашения”»⁶³.

После короткого общего разговора Кутузов дал знать, чтобы все вышли, и русский главнокомандующий остался с посланником Наполеона наедине. Но и этот разговор с глазу на глаз, продолжавшийся примерно полчаса, был обставлен так, чтобы окружающей Кутузова свите было хорошо видно и понятно, что именно происходит в стиснутом пространстве русской избы. Простой струганный стол, установленный посередине избы, и два стула, находившиеся по обе его стороны, были освещены, и все пространство внутри можно было наблюдать со стороны улицы, погруженной в полную темноту.

Содержание беседы между Кутузовым и Лористоном можно восстановить по донесению русского главнокомандующего Александру I,

⁶⁰ Записки А.А. Щербинина. С. 36. Щербинин указывает также на то, что Лористона сопровождал кавалергардского полка поручик М. Орлов.

⁶¹ *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч. С. 333. Михайловский-Данилевский, по-видимому, опирался на свидетельство Волконского. Вильсон полагал, что это произошло около 11 часов вечера (*Вильсон Р.Т.* Повествование о случившемся... С. 168). М.И. Богданович (*Богданович М.И.* Указ. соч. С. 391) и А.Н. Попов (*Попов А.Н.* Отечественная война 1812 года. С. 111) попытались найти компромисс между этими двумя свидетельствами и отнесли встречу на 10.30.

⁶² Вильсон — М.С. Воронцову. Таруса, Главная квартира, 5 октября 1812 г. // *Вильсон Р.Т.* Дневник и письма. С. 161; Вильсон — неизвестному. 25 сентября (7 октября) 1812 г. // Там же. С. 168.

⁶³ *Вильсон Р.Т.* Повествование о случившемся... С. 168.

составленному сразу после отъезда французского эmissара (оно было написано рукой кн. Волконского)⁶⁴, по воспоминаниям П.М. Волконского, изложенным Михайловским-Данилевским⁶⁵, письмам Вильсона⁶⁶, по его воспоминаниям⁶⁷, по письму Александру I и воспоминаниям полковника Ж.Б.Л. Кроссара⁶⁸. Все свидетельства определенно говорят о том, что Кутузов во время беседы с наполеоновским посланником последовательно демонстрировал непримиримость и категорически отвергал все попытки начать переговоры. Наблюдавшие через окно за этой сценой Вильсон, Кроссар и прочие недруги русского главнокомандующего должны были совершенно увериться в нежелании Кутузова идти на какие-либо контакты с неприятелем. Кроссар впоследствии так описал свои впечатления: «Когда генерал Лористон объяснил цель своего посольства, нам было ясно видно, что Кутузов слушал его спокойно; но с первых же слов его ответа мы заметили, что он с удивлением отрицает обращенное к нему обвинение. Вообще все последовавшие затем движения показали нам со стороны Кутузова, как упреки, а со стороны Лористона оправдания, которым он, по-видимому, желал придать важность»⁶⁹. Вильсон также остался доволен: «Генерал Лористон пробыл наедине с фельдмаршалом с полчаса, и в продолжение сего времени фельдмаршал, как казалось, говорил с большим жаром; потом позвали князя Волконского, который пробыл с ними с четверть часа, после чего дано было знать, что генерал откланивается, и он вышел, как всем показалось, не весьма доволен»⁷⁰.

Минут через 40 после начала беседы с французским эmissаром (свидетельства современников существенно разнятся в определении продолжительности беседы Кутузова с Лористонам с глазу на глаз — от 30 до 50 минут) Кутузов пригласил в избу Волконского и в присутствии Лористона передал ему содержание только что состоявшейся беседы. К этому

⁶⁴ См.: ВУА. Т. 18. С. 108–109; Т. 19. С. 379–380; М.И. Кутузов. № 449. С. 367–369; ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 1. Л. 30–31; и др.

⁶⁵ Михайловский — Данилевский А.И. Указ. соч. С. 333–334.

⁶⁶ Вильсон — М. С. Воронцову. Таруса, Главная квартира, 5 октября 1812 г. // *Вильсон Р.Т.* Дневник и письма. С. 161; Вильсон — лорду Кэткарту. 6 октября 1812 г., при рассвете // Там же. С. 164; Вильсон — лорду Кэткарту. Таруса, 6 октября 1812 г. // Там же. С. 164–165; Вильсон — лорду Кэткарту. 6 октября 1812 г. // Там же. С. 166; Вильсон — неизвестному. Таруса, 7 октября 1812 г. // Там же. С. 168–169; Вильсон — неизвестному. Таруса, 13 октября 1812 г. // Там же. С. 180.

⁶⁷ *Вильсон Р.Т.* Повествование о случившемся... С. 168–169.

⁶⁸ Полковник Кроссар — императору Александру I. Таруса, 7 (19) октября 1812 г. // *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 211–212; *Crossard J.B.L.* Op. cit.

⁶⁹ Цит. по: *Попов А.Н.* Отечественная война 1812 года. С. 112.

⁷⁰ Вильсон — лорду Кэткарту. Таруса, 6 октября 1812 г. // Вильсон Р.Т. Дневник и письма. С. 164. Между тем, от пронизательного Вильсона не ускользнуло, что одной из целей визита Лористона к Кутузову было «разведать о полномочии, намерениях и желаниях фельдмаршала» (Там же. С. 165).

фельдмаршал добавил, явно рассчитывая, что Волконский передаст эти слова императору: «Относительно же переговоров, государь запретил мне даже произносить слова: *мир* и *перемирие*. Спросите у князя Волконского: он прислан сюда подтвердить мне сию монаршую волю»⁷¹.

После этого Лористон был уведомлен, что предложения, изложенные им Кутузову, будут доложены русскому императору князем Волконским, который отправлялся в Санкт-Петербург. Через четверть часа после окончания беседы Лористона с Кутузовым наполеоновский посланец отбыл из Тарутино. Кутузов сразу же пригласил Вильсона, герцога Вюртембергского и принца Ольденбургского к себе и, как отметил британский генерал в одном из писем, «рассказал нам все, что происходило»⁷². Правда, позже (на следующий день, а то и через несколько дней) стало выясняться, что Кутузов сообщил Вильсону и его друзьям не все, что он обсуждал с Лористоном⁷³; «забыл» он сказать и о письме, которое было вручено ему французским эмиссаром⁷⁴.

Несмотря на все предпринятые Кутузовым действия, призванные оправдать в глазах государя его встречу с Лористоном, Александр I выразил крайнее неудовольствие поведением своего главнокомандующего и вновь решительно подчеркнул непозволительность каких бы то ни было контактов с неприятелем.

6 октября Лористон возвратился в московский Кремль и доложил Наполеону о ходе и результатах своей миссии. «Новости привели Наполеона в восторг, — пишет Сегюр. — Ставший легковерным под влиянием надежды, а быть может, и под влиянием отчаяния, он в течение нескольких минут упивался этим кажущимся успехом»⁷⁵. «...Император был в восторге», подтверждает Коленкур⁷⁶. Однако этот восторг длился недолго. Тот же Сегюр, повествуя об иллюзиях насчет мира, которым предавался Мюрат, напишет: «Что же касается императора, который в душе нисколько не обманывался, то его неискренняя радость продолжалась всего лишь несколько минут»⁷⁷. Очевидно, что вся эта «неискренняя радость» была рассчитана на ближайшее окружение императора. Это подтверждается анализом действий, предпринятых Наполеоном параллельно с посылкой Лористона в лагерь Кутузова. Уже 5 октября, когда результаты миссии Лористона были еще неизвестны, император на-

⁷¹ Цит. по: Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 334.

⁷² Вильсон — неизвестному. 7 октября 1812 г. // Вильсон Р.Т. Дневник и письма. С. 168.

⁷³ См.: Вильсон — лорду Кэткуарту. 6 октября 1812 г. // Там же. С. 166; Вильсон — неизвестному. Таруса, 13 октября 1812 г. // Там же. С. 180.

⁷⁴ Вильсон Р.Т. Повествование о случившемся. С. 166–169.

⁷⁵ *Ségur Ph. P.* Op. cit. P. 207.

⁷⁶ *Caulaincourt A.A.L.* Op. cit. T. 2. P. 48.

⁷⁷ *Ségur Ph. P.* Op. cit. P. 208.

чал активную подготовку к движению армии на зимние квартиры⁷⁸. Это продолжалось и в последующие дни⁷⁹. Наконец, к 9 октября относится несохранившееся письмо Наполеона (в тексте оно было помечено «Главной квартирой», то есть, по-видимому, было подписано Бертье) министру иностранных дел Франции Ю.Б. Маре. Министру было сообщено, что «расположение армии возможно изменится» и что «в течение ноября можно ожидать прибытия его величества на зимние квартиры между Борисфеном (Днепром — В.З.) и Двиной»⁸⁰.

Таким образом, можно заключить, что французский император вовсе не переоценивал результативность своих демаршей в отношении возможности мирных переговоров с русским императором, хотя полностью вероятность их и не исключал. По расчетам Наполеона, ответ из Петербурга мог прийти не ранее 19–20 октября, что, по его мнению, давало возможность подготовить эвакуацию армии из Москвы и, начав отход 19–20 октября, прибыть на зимние квартиры до наступления холодов. Поэтому представляется, что сама встреча Кутузова и Лористона не могла существенно повлиять на планы Наполеона.

Визит французского эmissара в ставку русского главнокомандующего поражает другим обстоятельством. Лористон изначально был убежден в безрезультативности и даже в отрицательных последствиях своей миссии, в то время как Кутузов, наоборот, был первоначально склонен идти на контакты с неприятельским командованием, причем, отнюдь не ради того, чтобы ввести его в заблуждение и усыпить бдительность. Однако стечение обстоятельств заставило Кутузова отказаться от своих первоначальных намерений, заняв демонстративно непримиримую позицию в ходе встречи с наполеоновским эmissаром. С Лористоним же произошла обратная метаморфоза: поняв, что переговоры все же состоятся, он, как ретивый исполнитель воли императора, приложил все усилия (впрочем, не всегда демонстрируя вершины дипломатического искусства), дабы добиться хоть какого-то осязаемого результата, но натолкнулся теперь на решительную несговорчивость русского главнокомандующего.

⁷⁸ См.: *Fain A.J.F.* Op. cit. P. 147; *Rapp J.* Mémoires. P., 1823. P. 219; *Dennée P.P.* Itinéraire de l'Empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. P., 1842. P. 105.

⁷⁹ См.: Наполеон — Бертье. Москва, 6 октября 1812 г. // *Napoléon I.* Correspondance de Napoléon I. P., 1868. T. 24. № 19251. P. 247–248; *Fain A.J.F.* Op. cit. P. 147–147; Наполеон — д'Опулю, ординарцу. Москва, 6 октября 1812 г. // *Napoléon I.* Op. cit. № 19260. P. 255; Наполеон — Бертье. Москва, 6 октября 1812 г. // *Ibid.* № 15253. P. 249; Наполеон — Бертье. Москва, 6 октября 1812 г. // *Ibid.* № 19254. P. 249–250; Наполеон — Бертье. Москва, 6 октября 1812 г. // *Ibid.* № 15257. P. 250; и др.

⁸⁰ Об этом письме говорит Маре в депеше послу Франции в Вене (См.: Наполеон — Маре. Москва, 16 октября 1812 г. // *Napoléon I.* Op. cit. № 19275. P. 265).

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>